

Зимняя экспедиція 1809 года черезъ Кваркенъ.

Отрывокъ изъ неизданнаго сочиненія: „Генераль-фельдмаршалъ князь Барклай-де-Толли“.

Ф. П. В — на.

(Окончаніе) ¹⁾.

Собранныя для экспедиціи ²⁾ войска состояли изъ полковъ: лейбъ-гренадерскаго, Полоцкаго и Тульскаго, трехъ сотенъ казачьяго Киселева и шести легкихъ орудій 17-й артилерійской бригады; (всего шесть баталіоновъ, 250 казаковъ и шесть орудій, численностью около 3,200 человекъ). Войска эти были раздѣлены на два отдѣленія; въ первое, подъ начальствомъ полковника Филисова, были назначены оба баталіона Полоцкаго полка, одна сотня казаковъ и два орудія; всѣ прочія части вошли въ составъ 2-го отдѣленія, порученнаго генераль-маіору Бергу. Нижнимъ чинамъ было приказано имѣть при себѣ сухарей на четыре дня, по куску мяса и по одной парѣ шерстяныхъ чулковъ; затѣмъ, войска должны были запастись изъ учрежденнаго въ Біеркэ магазина 10-ти дневнымъ сухарнымъ провіантомъ и фуражемъ на 4—5 дней. Обозъ былъ ограниченъ патронными ящиками, положенными, вмѣстѣ со снятыми съ нихъ колесами, на дровни,

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» 1900 г., № 7.

²⁾ Всѣ свѣдѣнія, до экспедиціи относящіяся, извлечены изъ дневника Барклая, его диспозицій и приказовъ, реляцій и «Журнала движенія войскъ генераль-лейтенанта Барклая-де-Толли».

съ небольшимъ числомъ одноконныхъ саней, подъ свозъ означеннаго провіанта, фуража и вина, и для раненыхъ. Передъ выступленіемъ изъ Біеркэ, 6-го марта, на сборномъ пунктѣ было отслужено молебствіе и прочитанъ приказъ, въ которомъ Барклай предупреждалъ войска о предстоявшихъ трудахъ и опасностяхъ; но, сказано въ немъ далѣе, «для русскихъ солдатъ невозможнаго не существуетъ» и ожидающая «ихъ слава останется безсмертною». Вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалось строжайшее соблюденіе порядка и дисциплины, съ возложеніемъ отвѣтственности на ротныхъ командировъ; за грабежъ же и нанесеніе обидъ жителямъ объявлялась смертная казнь.

Пріѣхавъ въ Біеркэ, Барклай-де-Толли приказалъ Полоцкому полку, прибывшему туда еще наканунѣ, перейти того же 6-го числа на Валсъ-Эраръ, откуда, на слѣдующее утро, одинъ изъ баталіоновъ долженъ былъ выдвинуться къ ледянымъ глыбамъ, для проложенія черезъ нихъ дороги. Затѣмъ онъ отправилъ летучій отрядъ, подъ начальствомъ Киселева, прямо въ Гросгрундъ; отрядъ этотъ, состоявшій изъ 50-ти казаковъ и 40 полоцкихъ мушкетеровъ, посаженныхъ на 13 подводъ, долженъ былъ ночью перейти черезъ Кваркенъ, неожиданно напасть на непріятельскіе передовые посты и стараться захватить ихъ въ плѣнъ, дабы лишить непріятели возможности быть извѣщеннымъ о нашемъ движеніи, и, наконецъ, собрать свѣдѣнія о принятыхъ шведами мѣрахъ къ оборонѣ.

Утромъ 7-го (19-го) числа отрядъ Киселева, выступившій наканунѣ, въ 6-мъ часу вечера, изъ Біеркэ, прибылъ, послѣ 13-ти часового движенія, въ Гросгрундъ. Тамъ онъ встрѣтилъ шведскій пикетъ изъ 10-ти человекъ, изъ числа которыхъ только четырехъ удалось взять въ плѣнъ; тогда сдѣлалось извѣстнымъ, что непріятельскія войска занимаютъ островъ Голмэ. Въ этотъ же день, 7-го марта, оба отдѣленія должны были, согласно диспозиціи, перейти: первое—на Гросгрундъ, а второе—черезъ Валсъ-Эраръ, на Гадденъ; между тѣмъ, произошла неожиданная остановка: патронные ящики и обозъ лейбъ-гренадерскаго полка, по недостатку и слабости лошадей, не прибыли своевременно въ Біеркэ. Пришлось отложить переходъ черезъ самый Кваркенъ до слѣдующаго дня и ограничиться переводомъ 2-го отдѣленія на Валсъ-Эраръ, гдѣ такимъ образомъ весь экспедиціонный отрядъ опять сосредоточился. Это послѣднее движеніе, по причинѣ глубокаго снѣга, продолжалось съ 9-ти часовъ утра до 5-ти пополудни; артиллерія же, слѣ-

довавшая сзади, подъ прикрытіемъ двухъ ротъ пѣхоты и 20-ти казаковъ, прибыла на мѣсто еще нѣсколькими часами позже. Для отдыха и ночлега войска должны были расположиться бивакомъ на оледенѣлыхъ скалахъ; къ счастью погода была благопріятная и морозъ не превышалъ 5-ти градусовъ. Значительное пониженіе температуры началось только 8-го числа, такъ что въ слѣдующіе дни морозъ достигалъ 15-ти—17-ти градусовъ¹⁾. При этомъ войска были лишены бивачныхъ огней, ибо на голыхъ островкахъ не было лѣсу, а для подвоза дровъ не имѣлось лошадей.

На другой день, 8-го (20-го) марта, войска тронулись уже въ 5-мъ часу утра. Медленность движенія артилеріи, требовавшей притомъ значительнаго числа рабочихъ, вызвала необходимость отдѣлить ее отъ войскъ. Барклай назначилъ поэтому одинъ баталіонъ лейбъ-гренадерскаго полка въ резервъ и приказалъ ему слѣдовать со всѣми орудіями за первымъ отдѣленіемъ, такъ какъ второму предстояло идти открытымъ моремъ, безъ малѣйшаго слѣда дороги. Первое отдѣленіе было направлено на Гросгрундъ и Голмэ; второе же, при которомъ находился самъ Барклай, двинулось прямо на Гадденъ. Едва только войска оставили безпріютныя скалы, какъ уже имъ представились трудности и препятствія, которыя, какъ выразился въ своемъ донесеніи Барклай, «единственно русскому солдату преодолѣть можно»²⁾. Вступая по колѣно въ снѣгъ, люди спотыкались и падали и, натыкаясь на огромные обломки льда, разметанные предшествовавшими бурями, должны были перелѣзть черезъ эти преграды или обходить ихъ. Тяжелый маршъ продолжался около 13-ти часовъ и только въ 6-мъ часу вечера отдѣленія прибыли на предназначенныя имъ мѣста; обозы же и артилерія пришли гораздо позже. Въ тотъ же день или, вѣрнѣе, въ ночь съ 7-го на 8-е, Киселевъ имѣлъ стычку съ непріателемъ. Желая развѣдать о силѣ и расположеніи отряда, занимавшаго Голмэ, онъ повелъ свою небольшую партію къ этому острову, напалъ на передовой постъ шведовъ, окружилъ его и взялъ 10 человекъ въ плѣнъ. Оказалось, что на остр. Голмэ находилось три роты пѣхоты. Между тѣмъ, холодъ становился весьма чувствительнымъ; хотя войсками и было найдено нѣсколько ничтожныхъ ры-

¹⁾ По нѣкоторымъ источникамъ, въ ночь съ 7-го на 8-е было уже около 12 градусовъ морозу; по журналу же движенія, термометръ показывалъ тогда не болѣе 5-ти градусовъ, и лишь 9-го марта опустился до 8-ми и 15-ти, а 10-го—до 17-ти градусовъ.

²⁾ Донесеніе Барклая-де-Толли отъ 14-го марта.

бачьихъ хижинокъ, послужившихъ къ разведенію небольшихъ костровъ, тѣмъ не менѣе бивачное расположеніе въ снѣгу не могло доставить имъ желаемого отдыха, и морозъ не позволялъ даже оставаться долго безъ движенія. Это обстоятельство, а также и необходимость достигнуть на слѣдующій день Умео, до котораго оставалось еще около 40 верстъ, побудили Баркляя сократить время отдыха и тронуться ночью. Къ тому же должно было ожидать на другой день встрѣчи съ непріателемъ, для котораго наше движеніе не могло болѣе оставаться тайною, и потому нужно было торопиться, чтобы не дать ему времени сосредоточить свои силы.

Распоряженія къ предстоявшему на другой день, 9-го (21-го) марта, вступленію отряда въ Швецію, заключались въ слѣдующемъ: 1-е отдѣленіе должно было выбить непріателя изъ острова Голмэ, преслѣдовать его черезъ Вестъ-Кваркенъ къ дер. Эстнесъ, и оттуда обратиться на Умео, стараясь приблизиться къ городу одновременно съ колонною генераль-маіора Берга. Резерву дано приказаніе слѣдовать за полковникомъ Филисовымъ, оставивъ на островѣ Голмэ одну роту для прикрытія транспортовъ, должествовавшихъ прибывать изъ Финляндіи. Второе отдѣленіе получило назначеніе двинуться открытымъ моремъ прямо въ устье р. Умео, съ тѣмъ, чтобы овладѣть городомъ съ той стороны, съ какой это оказалось бы наиболѣе удобнымъ.

Филисовъ, выступившій въ 4 часа утра, нашелъ непріателя готовымъ къ бою, на позиціи, усиленной окопами изъ снѣга. Въ головѣ русской колонны шелъ Киселевъ; а боковой отрядъ, изъ двухъ ротъ Полоцкаго полка, былъ направленъ влѣво, на путь отступленія шведовъ. Предпринятая Филисовымъ фронтальная атака была встрѣчена огнемъ противника, который, повидимому, намѣренъ былъ держаться; но движеніе боковыхъ ротъ заставило его покинуть позицію и поспѣшно отойти къ Умео. Въ этомъ дѣлѣ непріатель лишился одними плѣнными одного офицера и 35 нижнихъ чиновъ; съ нашей стороны потеря ограничилась двумя ранеными. Преслѣдованіе было возложено на казаковъ, такъ какъ прочія части, задерживаемыя артилерією, подавались впередъ весьма медленно. По этой же причинѣ Филисовъ не исполнилъ возложенной на него задачи: не рѣшаясь оставить артилерію далеко позади, онъ остановился на остр. Голмэ и только на другое утро въ 10 часовъ, по прибытіи туда первыхъ двухъ орудій, двинулся къ Умео. Для сопровожденія прочихъ четырехъ орудій, которыя должны были выступить нѣсколькими часами позже, назна-

чены были двѣ роты лейбъ-гренадерскаго полка; одна же рота, какъ выше уже сказано, должна была оставаться на остр. Голмэ и служить промежуточнымъ постомъ для прикрытія ожидавшихся транспортовъ. Съ наступленіемъ сумерокъ того же 10-го (22-го) марта Филисовъ прибылъ въ дер. Тефте и тамъ былъ встрѣченъ приказаніемъ остановиться; приказаніе это было получено изъ Умео, гдѣ Барклай успѣлъ уже утвердиться.

Второе отдѣленіе во 2-мъ часу ночи на 9-е (21-е) марта покинуло островъ Гадденъ. Въ авангардѣ слѣдовали полторы сотни казаковъ и двѣ роты Тульскаго полка. Снѣжная пустыня, которая должна была быть пройдена, не представляла никакихъ предметовъ для ориентированія, но ночь была свѣтлая и звѣзды указывали направленіе. Вскорѣ, однако же, послѣ двухъ-часоваго похода, густой туманъ сталъ разстилаться по поверхности моря; звѣзды исчезли и войска внезапно очутились въ ледяномъ облагѣ. Барклай остановился и сдѣлалъ привалъ въ ожиданіи разсвѣта. Затѣмъ колонна продолжала путь, имѣя въ головѣ, въ качествѣ вожатаго, генераль-маіора Берга, не сводившаго глазъ съ находившагося въ его рукахъ компаса ¹⁾. Какъ тяжелы ни были прежніе переходы, какъ велики ни были перенесенные труды, но въ сравненіи съ испытаніями этого дня они оказались легкими. Достаточно сказать, что послѣ 18-ти-часоваго движенія по цѣльному, но не рыхлому снѣгу, при 15° мороза и сѣверномъ вѣтрѣ, стѣснявшемъ дыханіе, войска не могли дойти до Умео; въ 8 часовъ вечера, когда уже было совершенно темно, они находились еще въ шести верстахъ отъ города, не успѣвъ даже войти въ устье рѣки. «Люди были совсѣмъ обезсилены», читаемъ мы въ дневникѣ Барклая, «и падали отъ усталости; невозможно было идти далѣе, а тѣмъ болѣе сдѣлать ночное нападеніе на занятый непріателемъ городъ. Я увидѣлъ себя вынужденнымъ расположиться бивакомъ посреди бухты, образуемой Ботническимъ заливомъ у г. Умео. Нѣсколько купеческихъ судовъ, найденныхъ по близости, послужили дровами для нашихъ костровъ; тѣмъ не менѣе люди ужасно страдали». Между тѣмъ, казаки завязали перестрѣлку съ непріательскою пѣхотою, занимавшею на близъ лежавшемъ берегу д. Текнесъ; при этомъ было захвачено нѣсколько крестьянъ, изъ показаній которыхъ можно было заключить, что силы противника сосредоточены вокругъ Умео. О Филисовѣ никакихъ извѣстій не было.

¹⁾ «Autobiographie des Generalen der Infanterie Greg. v. Berg.», стр. 217. *

Бивачные огни нашего отряда и почные выстрѣлы казаковъ произвели на жителей потрясающее впечатлѣніе. Они не хотѣли вѣрить въ возможность появленія русскихъ войскъ изъ лежащей за моремъ Финляндіи; когда же послѣднее сомнѣніе должно было исчезнуть, они стали смотрѣть на представившееся имъ зрѣлище, какъ на «совершившееся чудо» ¹⁾. Не менѣе другихъ былъ пораженъ и графъ Кронстедтъ, командовавшій войсками въ Умео, который, считая переходъ черезъ Кваркенъ для значительнаго отряда неисполнимымъ, ограничился мѣрами обороны, необходимыми для отраженія лишь небольшихъ партій; шведскій генераль, распустившій даже нѣкоторую часть своихъ войскъ по домамъ ²⁾, началъ снова собирать ихъ только наканунѣ прибытія Барклая и не могъ по этому встрѣтить его всѣми своими силами.

На слѣдующій день, 10-го (22-го) марта, въ 5 часовъ утра, Барклая снялся съ бивака и приказалъ авангарду, состоявшему изъ тѣхъ же 1¹/₂ сотенъ и двухъ ротъ Тульскаго полка, овладѣть деревнею Текнесъ. Завязалась сильная перестрѣлка, во время которой прочія войска, выбиваясь изъ глубокаго снѣга, вступали на берегъ. Непрiятель успѣшилъ тогда отступить, оставивъ даже въ деревнѣ нѣсколько убитыхъ и рапеныхъ. Генераль-маіоръ Бергъ, находившійся при авангардѣ, преслѣдовалъ его по дорогѣ въ Умео; но онъ не успѣлъ еще дойти до города, какъ уже былъ встрѣченъ парламентаромъ, извѣстившимъ о желаніи шведскаго генерала вступить въ переговоры. Бергъ послалъ за приказаніями къ Барклаю, а послѣдній отвѣтилъ, что, не желая терять времени на предварительные переговоры, предоставляетъ графу Кронстедту немедленно приступить къ окончательному соглашенію, до заключенія котораго наступательныя дѣйствія русскаго корпуса прекращены не будутъ. Предложеніе противника какъ нельзя болѣе соответствовало интересамъ Барклая, положеніе котораго было далеко не безопасное: располагая слабыми тремя баталіонами, изнемогавшими отъ перенесенныхъ ими необычайныхъ трудовъ, не имѣя артилеріи и не получая извѣстій о Филисовѣ, находившемся тогда еще на островѣ Голмэ, ему не легко было вступить въ бой съ свѣжими войсками, число которыхъ, по прежнимъ свѣдѣніямъ, должно было превышать его собственныя силы. Быстрое

¹⁾ Слова графа Кронстедта.

²⁾ Въ Швеціи, какъ извѣстно, наибольшая часть арміи состояла изъ поселенныхъ войскъ.

отступленіе непріятели и предложеніе перемирія, очевидно, были вызваны преувеличенными свѣдѣніями о численности русскихъ войскъ, заблужденіе, которое не могло долго продолжаться. Къ тому же необходимо было не только овладѣть городомъ, но и приобрѣсти въ возможной цѣлости имѣвшіеся въ немъ магазины. По всѣмъ этимъ причинамъ Барклай предпочелъ, не заключая перемирія, приостановить наступленіе въ томъ случаѣ, еслибы соглашеніемъ возможно было достигнуть тѣхъ выгодъ, которыя могла бы доставить побѣда. Вскорѣ приѣхалъ самъ Кронстедтъ и сообщилъ русскому генералу о происшедшей въ Стокгольмѣ революціи и провозглашеніи герцога Зюдерманландскаго регентомъ королевства; затѣмъ онъ сталъ убѣждать его согласиться на перемиріе, увѣряя, что скорое заключеніе желаемого всѣми мира не подлежало болѣе сомнѣнію. Барклай, однакожъ, остался непоколебимымъ и изъявилъ только готовность приостановить дальнѣйшія дѣйствія съ условіемъ, чтобы непріятель сдалъ ему г. Умео со всѣми продовольственными и боевыми запасами и немедленно отступилъ за предѣлы Вестерботніи. На этихъ главныхъ основаніяхъ тотчасъ же была заключена конвенція, по которой Кронстедтъ обязался очистить городъ къ 4-мъ часамъ пополудни, взявъ съ собою лишь четырехъ-дневный провіантъ, и оставивъ магазины не тронутыми, и отступить къ Гернесанду, лежащему въ 220 верстахъ къ югу отъ Умео. Затѣмъ оба генерала согласились извѣстить о состоявшемся актѣ своихъ главнокомандующихъ и до возвращенія курьеровъ не возобновлять дѣйствій, а въ случаѣ продолженія таковыхъ—предварить о томъ за 24 часа. Пространство между границею Вестерботніи и рѣкою Эръ было объявлено нейтральнымъ.

Заключенная конвенція доставила Барклаю всѣ выгоды, которыхъ только можно было желать: она лишила шведовъ возможности уничтожить богатые запасы, гарантировала спокойствіе въ чужомъ краѣ и порядокъ въ мѣстномъ управленіи, облегчила русскому отряду соединеніе съ прочими ожидавшимися еще изъ Вазы полками и, наконецъ, предоставила ему полную свободу содѣйствовать Улеборгскому корпусу всякими операціями въ тылу, стоявшихъ противъ него войскъ. Отрядъ Кронстедта приобрѣлъ, правда, возможность безпрепятственно отойти; но для прегражденія ему отступленія необходимо было владѣть путемъ къ Стокгольму и обладать достаточными силами. Въ своемъ донесеніи главнокомандующему Барклаю, упоминая объ этомъ

обстоятельствѣ, говорить, что нельзя было предупредить непріятеля на Стокгольмской дорогѣ, до которой оставалось пять верстъ. Означенное донесеніе вообще разъясняетъ, какъ нельзя лучше, тогдашнее положеніе дѣлъ. Барклай излагаетъ въ немъ вышеприведенныя причины, побудившія его пріостановить бой, и затѣмъ продолжаетъ: «впослѣдствіи мы отъ того не имѣли бы никакихъ выгодъ, а можетъ быть много вреда; личному же моему славолюбію жертвовать общою пользою я почелъ бы себя преступникомъ и недостойнымъ довѣрія моего Государя. Непріятель очищаетъ намъ земли въ одну сторону, къ Стокгольму, до 200 верстъ, отступая со своими войсками въ Гернезандъ; о войскахъ же его, находящихся между Умео и Торнео, я никакого не дѣлалъ условія; слѣдственно, когда графъ Шуваловъ начнетъ свои дѣйствія, я, собравъ здѣсь между тѣмъ всѣ полки, идущіе ко мнѣ черезъ Кваркенъ, въ знатныхъ силахъ буду имѣть средства стѣснить ихъ и принудить положить оружіе» ¹⁾. Это послѣднее предположеніе два дня спустя осуществилось.

По удаленіи непріятеля изъ Умео, согласно заключенному условію, городъ былъ занятъ нашими войсками, нашедшими въ немъ весьма значительные запасы продовольствія; кромѣ того, досталось имъ 10 орудій, 2,820 ружей, болѣе 1,500 артиллерійскихъ зарядовъ, 134,000 патроновъ и огромное количество разнаго рода предметовъ, въ томъ числѣ 600 полушубковъ и 29,000 паръ теплыхъ чулковъ.

Пріобрѣтенные успѣхи не обошлись, однако-жъ, даромъ; если число убитыхъ и раненыхъ было ничтожно, то число пострадавшихъ отъ стужи оказалось значительнымъ, ибо болѣе 200 чел. таковыхъ выбыло изъ строя; изъ нихъ, впрочемъ, только немногіе лишились членовъ и сдѣлались неспособными къ службѣ.

Занявъ Умео, Барклай сдѣлалъ всѣ распоряженія, чтобы утвердиться на шведскомъ берегу и оказать содѣйствіе Шувалову. Съ запада и юга онъ обезпечилъ себя казаками, изъ которыхъ одна сотня получила назначеніе развѣдать внутренность края, а другая была послана вслѣдъ за отступившимъ Кронстедтомъ. Изъ отряда Филисова четыре орудія были притянуты къ главнымъ силамъ, къ которымъ, 12-го (24-го) марта, долженъ былъ присоеди- ниться подходившій уже изъ Вазы Навагинскій полкъ. Къ сѣверу, по дорогѣ въ Пинно, былъ выдвинутъ Полоцкій полкъ съ двумя

¹⁾ Донесеніе генералъ-лейтенанта Барклая-де-Толли отъ 11-го марта.

орудіями и сотнею казаковъ. Войска эти, составившія авангардъ Барклая, подъ начальствомъ Филисова, вступили 12-го (24-го) въ Сефваръ; находившійся же въ головѣ ихъ отрядъ Киселева, въ составѣ двухъ ротъ того же полка и казаковъ, дошелъ до Ратана и захватилъ при этомъ 4 орудія, 20 зарядныхъ ящиковъ, 900 бочекъ пороха, значительный транспортъ хлѣба и т. д. Всѣми этими отрядами были въ то же время распространяемы прокламаціи, которыми населеніе приглашалось оставаться спокойнымъ и тѣмъ содѣйствовать заключенію мира, «для достиженія котораго», какъ въ нихъ было сказано, «русскія войска вступили на шведскую территорию». Пополненіе магазиновъ предписывалось произвести, отчасти, реквизиціями, отчасти, подвозомъ изъ Вазы, откуда одинъ транспортъ уже былъ отправленъ, а другой выжидалъ только лошадей для выступленія. Наконецъ, потребованы были подводы для доставленія военной добычи въ Финляндію.

Но среди этихъ распоряженій и приготовленій пришла вѣсть столь же неожиданная, какъ и непріятная — приказаніе главнокомандующаго не переходить на шведскій берегъ, а если экспедиція уже совершена, то немедленно возвратиться въ Вазу. Это извѣстіе было привезено въ Умео 11-го (23-го), вечеромъ, адъютантомъ генераль-маіора Лобанова, доносившаго также, что полки, не успѣвшіе еще прибыть въ Вазу, для слѣдованія черезъ Кваркенъ, получили повелѣніе возвратиться на прежнія квартиры. Легко себѣ представить, какъ непріятно было Барклаю получить подобное приказаніе послѣ всего, что уже было перенесено и достигнуто войсками. «Признаюсь», замѣтилъ онъ въ тотъ день въ своемъ журналѣ, «что приказаніе это явилось весьма некстати; я, однако-жъ, твердо рѣшился не прежде выступить въ обратный путь, какъ по отправленіи хотя бы части взятыхъ у непріятеля орудій, пороха, ружей и военныхъ припасовъ. Объ этомъ намѣреніи я уже донесъ главнокомандующему и присовокупилъ, что таковая отсрочка не только не замедлитъ, но, напротивъ, ускоритъ заключеніе мира». Съ этою цѣлью Барклай сохранилъ полученное приказаніе въ тайнѣ и въ письмѣ своемъ къ генералу Кронстедту ограничился извѣщеніемъ о вѣроятности скорого перемирія. Но и эта предосторожность оказалась бесполезною; необыкновенная предусмотрительность, обнаруженная генераломъ Кпоррингомъ, какъ только дѣло коснулось обратнаго движенія, разстроила намѣренія Барклая: уже на слѣдующій день онъ получилъ черезъ шведскаго генерала дубликатъ означеннаго предписанія. Убѣдив-

шись тогда, что возвращеніе русскихъ войскъ окончательно рѣшено въ главной квартирѣ и поставлено даже условіемъ къ дальнѣйшимъ переговорамъ о перемиріи и мирѣ, Барклай увидѣлъ себя вынужденнымъ исполнить полученныя приказанія. Но и теперь еще онъ счелъ лучшимъ не торопиться и сдѣлалъ распоряженіе къ обратному движенію съ такимъ расчетомъ, что головная колонна должна была выступить не ранѣе 15-го (27-го), а арьергардъ только 17-го (29-го) марта. Внезапный оборотъ, совершившійся на театрѣ войны, и установившіяся затѣмъ между главнокомандующими противныхъ сторонъ миролюбивыя отношенія, поставили Барклая въ затрудненіе относительно военной добычи и лишили его возможности вывести ее изъ Швеціи; подобный образъ дѣйствія оказывался уже неумѣстнымъ, да и времени на это болѣе не доставало. Взглядъ его на этотъ предметъ выражается въ донесеніи, отправленномъ имъ тотчасъ по прибытіи въ Вазу; «по скорости моего возвращенія», писалъ онъ 19-го марта генералу Кноррингу, «я не имѣлъ возможности перевезть на нашу сторону взятыя 14 пушекъ, 1,400 бочекъ пороху и нѣсколько тысячъ ружей, кромѣ всѣхъ другихъ вещей; увезти нѣкоторую часть изъ оныхъ походило бы единственно на корыстолюбіе, а истребить и привести въ негодность всѣ вещи не было бы знакомъ миролюбія со стороны нашей и обратный переходъ мой черезъ Кваркенъ имѣлъ бы видъ ретирады». По этимъ причинамъ Барклай ограничился снабженіемъ большихъ теплыми одѣялами и раздачею въ войска полушубковъ и шерстяныхъ чулковъ; выставленнымъ же подводы были распредѣлены по отрядамъ для перевозки ранцевъ и всякихъ тяжестей, а также слабыхъ и больныхъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, особою прокламаціею было объявлено, что съ оставленіемъ русскими войсками края, занятаго съ единственною цѣлью ускоренія мира, всѣ взятые оружіемъ предметы, артилерія, магазины и проч. возвращаются «въ знакъ уваженія къ націи и воинству». Передъ выступленіемъ Барклай обратился также къ собственнымъ войскамъ съ особымъ приказомъ, въ которомъ убѣждалъ ихъ «не запятнать пріобрѣтенной славы и оставить въ чужомъ краѣ память, которую бы чтило потомство!» И они послушались своего начальника, эти герои Кваркена, они дѣйствительно оставили по себѣ память, которою ихъ потомки могутъ гордиться; тѣ же жители Вестерботніи, которыхъ еще столь недавно вѣсть о приближеніи русскихъ повергла въ ужасъ и отчаяніе, выслали теперь депутатовъ отъ дворянъ, купцовъ и поселянъ, для выраженія русскому генералу благодар-

ности за превосходное поведеніе и дисциплину солдатъ, за великодушное съ ними обращеніе начальниковъ. До какой степени это публичное изъявленіе признательности войску тронуло Барклая, видно изъ немногихъ словъ, набросанныхъ имъ по этому случаю въ своемъ дневникѣ. Восхваляя сначала «бодрость и непоколебимое мужество», съ которыми всѣ чины перенесли неслыханныя испытанія, онъ продолжаетъ: «при выступленіи моемъ изъ Умео явился ко мнѣ губернаторъ, въ сопровожденіи магистрата и депутацій, и благодарилъ меня за сохраненный войсками порядокъ и соблюденную ими дисциплину; въ произнесенной рѣчи онъ сказалъ, что ихъ поведеніе оставить у него и его согражданъ неизгладимую память. Признаюсь, въ эту минуту я чувствовалъ себя счастливымъ!»

Для обратнаго похода войска были раздѣлены, попрежнему, на два отдѣленія: первое—Филисова, состояло изъ сотни казаковъ, Полоцкаго полка, одного баталіона лейбъ-гренадерскаго полка и артилеріи; второе, при которомъ слѣдовалъ Барклай — изъ Тульскаго полка, Навагинскаго, безъ двухъ ротъ, другого баталіона лейбъ-гренадерскаго полка и другой сотни казаковъ. Изъ остальныхъ двухъ ротъ Навагинскаго полка и третьей сотни казаковъ былъ составленъ арьергардъ, подъ начальствомъ генераль-маіора Берга, получившаго приказаніе очистить Умео 17-го (29-го) марта и взять съ собою тѣхъ больныхъ, которые не могли быть отправлены ранѣе. Всѣ войска были направлены по менѣе трудному пути, на Тефтэ и Голмэ; самое же движеніе было произведено слѣдующимъ порядкомъ: 15-го (27-го) марта—первое отдѣленіе изъ дер. Тефтэ въ Голмэ, второе изъ Умео въ Тефтэ; 16-го (28-го) — первое изъ Голмэ въ Валсъ-Эраръ, второе изъ Тефтэ въ Голмэ; 17-го (29-го)— первое отдѣленіе изъ Валсъ-Эрара въ Біеркэ, второе изъ Голмэ въ Валсъ-Эраръ, арьергардъ изъ Умео въ Голмэ; 18-го (30-го)— первое въ Реплотъ, второе въ Біеркэ, арьергардъ въ Валсъ-Эраръ и въ тотъ же день въ Біеркэ. Въ послѣдующіе затѣмъ дни всѣ части направились въ мѣста квартирнаго ихъ расположенія. Не взирая на сильный морозъ, дошедшій 15-го числа до 18°, обратный походъ, по проложенной уже дорогѣ, оказался несравненно легче, чему, впрочемъ, немало способствовали подводы, доставившія возможность значительно облегчить людей.

Такъ кончилась экспедиція черезъ Кваркенъ, принадлежащая къ числу подвиговъ, наиболѣе прославившихъ русское оружіе, и связавшая съ этою славою имя Барклая-де-Толли. Достигнутые

результаты оказались гораздо важнѣе, нежели можно было надѣяться. Не говоря уже о нравственномъ впечатлѣніи, произведенномъ на правительство и население въ Швеціи, неожиданное появленіе русскаго корпуса въ Умео имѣло непосредственное вліяніе на самый ходъ военныхъ дѣлъ: съ одной стороны, на югѣ, оно способствовало, какъ уже было сказано, къ устраненію недоразумѣній, встрѣченныхъ Кноррингомъ при заключеніи перемирія, а съ другой, на сѣверѣ, оно вынудило, какъ сейчасъ увидимъ, шведскаго генерала Гриппенберга положить оружіе передъ наступавшими войсками Шувалова.

Пріѣхавъ въ Улеборгъ и вступивъ въ командованіе корпусомъ, генераль-адъютантъ графъ Шуваловъ вскорѣ убѣдился въ невозможности начать дѣйствія по недостатку продовольствія. Уже Тучковымъ были сдѣланы представленія, что магазины пусты и войска получаютъ двѣ трети раціона и не въ состояніи запастись десяти-дневнымъ провіантомъ ¹⁾. По распоряженію военнаго министра, были, правда, отправлены транспорты изъ Петербурга прямо на сѣверъ, но транспорты эти находились еще въ дорогѣ и время ихъ прибытія не было извѣстно. Между тѣмъ Аракчеевъ настаивалъ на скорѣйшемъ выступленіи. Поставленный, такимъ образомъ, въ весьма затруднительное положеніе, Шуваловъ обратился за совѣтами къ Барклаю: «сообщите мнѣ ваше мнѣніе», писалъ онъ ему изъ Улеборга, «помогите вашими совѣтами; я бы желалъ лучше умереть, нежели подвергнуть ввѣренный мнѣ корпусъ гибели» ²⁾. Отвѣты Барклая, къ сожалѣнію, не сохранились. Въ первыхъ (среднихъ) числахъ марта оказалось возможнымъ собрать до 4,000 человѣкъ у Кеми и вслѣдъ затѣмъ, 6-го (18-го), изъ русскаго стана было отправлено къ непріятелю извѣщеніе о возобновленіи военныхъ дѣйствій. По полученіи этого извѣстія генераль Гриппенбергъ, командовавшій тогда королевскими войсками на сѣверной границѣ, сосредоточился у Каликса; въ Торнео онъ оставилъ одинъ только аріергардъ, который, однако, успѣшилъ очистить городъ, когда, 11-го (23-го) марта, подошли къ нему наши колонны. Не доходя Торнео, Шуваловъ узналъ о происшедшей въ Стокгольмѣ революціи. Будучи увѣренъ, что подобное извѣстіе не могло не поколебать духа непріятельскихъ войскъ, онъ рѣшился воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и тотчасъ же

¹⁾ Донесеніе генерала-лейтенанта Тучкова отъ 13-го февраля.

²⁾ Письмо графа Шувалова къ Барклаю-де-Толли отъ 24-го февраля 1809 г.

отправить къ шведскому генералу письмо, въ которомъ, сообщая о переходѣ русскаго корпуса черезъ Кваркенъ и угрожающей шведамъ съ той стороны опасности, предлагалъ ему сдаться на капитуляцію. Однако, Гриппенбергъ не повѣрилъ этому извѣстію; по разсказу очевидца ¹⁾, онъ и окружавшія его лица, Палмфельдъ и Аминовъ, приняли разсказъ о движеніи Барклая съ улыбкою недовѣрія и объявили русскому переговорщику полковнику Ансельму-де-Жиборне рѣшительный отказъ. Это было 12-го (24-го) марта. Тогда Шуваловъ, выдвинувшій между тѣмъ авангардъ по береговой дорогѣ и боковой отрядъ слѣва, по льду залива, приказалъ генераль-маіору Эриксену тѣснить непріятеля съ фронта, а генераль-маіору Алексѣеву охватывать его правый флангъ. Но преслѣдованіе продолжалось недолго. Уже на слѣдующее утро, совершенно неожиданно, пріѣхалъ парламентаръ съ противной стороны и изъявилъ готовность вступить въ переговоры. Внезапная перемѣна эта была слѣдствіемъ полученной изъ Умео роковой вѣсти о взятіи города Барклаемъ ²⁾. Посланный графомъ Кронстедтомъ курьеръ встрѣтилъ Гриппенберга во время его отступленія къ Каликсу; собранный же шведскимъ генераломъ совѣтъ нашель, что съ занятіемъ тыла русскими войсками, продолженіе борьбы повело бы только къ новымъ бѣдствіямъ и пораженіямъ. Графъ Шуваловъ не замедлилъ тогда отправить своихъ уполномоченныхъ ³⁾, съ приказаніемъ требовать сдачи на условіяхъ, уже прежде объявленныхъ. Послѣ непродолжительныхъ преній предъявленныя требованія были приняты и вслѣдъ затѣмъ, того же 13-го (25-го) марта, была подписана капитуляція или, какъ ее тогда называли, конвенція, на основаніи которой непріятельскій корпусъ положилъ оружіе. Число сдавшихся войскъ, согласно строевой записки Гриппенберга, простиралось до 7,000 человекъ ⁴⁾; изъ нихъ большая часть состояла изъ финляндцевъ, которые были возвращены на родину и отпущены по домамъ; шведскія же войска, также получившія свободу, должны были дать присягу не служить во все время войны противъ Россіи и ея союзниковъ. Ружья, арти-

1) И. П. Липранди, въ то время подпоручикъ квартирмейстерской части, сопровождавшій нашего парламентаря полковника Ансельма де-Жиборне.

2) Монгомери, стр. 203.

3) Полковника Ансельма и подполковника барона Тейль, при которыхъ находился Липранди.

4) Шведскіе писатели показываютъ число это въ 2,000 человекъ; но, вѣроятно, они считаютъ только природныхъ шведовъ.

лерійскія орудія и знамена ¹⁾ были признаны трофеями, а всѣ коронныя магазины до самаго Умео — собственностью русскихъ войскъ.

Важныя послѣдствія Кваркенской экспедиціи были вполнѣ оцѣнены Императоромъ Александромъ, выразившимъ свою признательность Барклаю производствомъ его въ генералы отъ инфантеріи ²⁾, несмотря на то, что онъ былъ изъ младшихъ генераль-лейтенантовъ арміи; кромѣ того, получили награды и всѣ представленныя имъ лица, въ числѣ которыхъ особенно выставлены генераль-маіоръ Бергъ, полковникъ Филисовъ, бригады-маіоръ Воейковъ и войсковой старшина Киселевъ 2-й. Другіе два корпусные командира, Багратіонъ и Шуваловъ, были также произведены: первый—въ генералы отъ инфантеріи, а второй—въ генераль-лейтенанты; войскамъ же, находившимся съ Барклаемъ, Шуваловымъ и Кульневымъ на шведской территоріи, была пожалована денежная награда и особенная на этотъ случай выбитая серебряная медаль ³⁾. Какъ видно, производство Барклая и Багратіона состоялось одновременно, но послѣдній сохранилъ свое прежнее старшинство и въ новомъ чинѣ; этому обстоятельству, казалось бы ничтожному, суждено было имѣть важныя послѣдствія.

Каликская капитуляція открыла Улеборгскому корпусу путь въ Умео на соединеніе съ Барклаемъ. Но черезъ два дня по ея заключеніи, когда еще не всѣ эшелоны Гриппенберга успѣли положить оружіе, пришло неожиданное извѣстіе о возвращеніи войскъ Вазаскаго корпуса въ Финляндію. Извѣстіе это не только дало поводъ послѣднимъ эшелонамъ непріятеля уклониться отъ исполненія капитуляціи, но поставило даже въ немалое затрудненіе Шувалова, у котораго естественно долженъ былъ родиться вопросъ: что дѣлать далѣе? Въ недоумѣніи онъ снова обратился къ Барклаю: «прошу васъ сообщить, слѣдуетъ ли мнѣ продолжать движеніе, или долженъ я остановиться» ⁴⁾? И на этотъ разъ отвѣтъ остался неизвѣстнымъ; по какой совѣтъ могъ дать Барклай, получившій въ то же время изъ Гельсингфорса Высочайшее повелѣніе: если отрядъ еще не возвратился въ Вазу, то оставаться въ Швеціи, соединиться съ Шуваловымъ и утвердиться въ Вестерботніи ⁵⁾. «Можно себѣ представить, какой это былъ для меня гро-

¹⁾ Орудій 22, знаменъ 12.

²⁾ Производство состоялось 20-го марта 1809 г.

³⁾ «Описаніе Финляндской войны». Михайловскаго-Данилевскаго, стр. 425.

⁴⁾ Письмо графа Шувалова отъ 15-го марта.

⁵⁾ Предписаніе графа Аракчеева отъ 18-го марта.

мовой ударъ», читаемъ мы въ его дневникѣ; и дѣйствительно, этою новою переменю онъ былъ глубоко огорченъ, тѣмъ болѣе, что предчувствіе, овладѣвшее имъ уже въ Умео и удержавшее его отъ немедленнаго выполненія приказаній главнокомандующаго, не покидало его и по прибытіи въ Вазу; это видно изъ замѣтокъ, сдѣланныхъ имъ днемъ раньше по поводу письма генерала Кнорринга, въ которомъ послѣдній, между прочимъ, поздравляетъ его «со вновь пріобрѣтенными лаврами» ¹⁾. — «Сегодня», пишетъ Барклай 21-го марта, «я получилъ отъ главнокомандующаго письмо, въ которомъ онъ какъ бы оправдываетъ свои предписанія о моемъ скорѣйшемъ возвращеніи тѣмъ обстоятельствомъ, что нѣсколько непріятельскихъ отрядовъ было выдвинуто противъ меня изъ Упсалы; но это извѣстіе совершенно неосновательно, ибо генераль Булатовъ, возвратившійся изъ плѣна, проѣхалъ черезъ Упсалу и нашелъ тамъ только однихъ студентовъ. Къ тому же въ его предписаніяхъ было сказано, что мнѣ слѣдуетъ прекратить всякія наступательныя дѣйствія и немедленно возвратиться по той собственно причинѣ, что переговоры о мирѣ уже начались; онъ этого и писать мнѣ не могъ прежде, какъ по заключеніи съ непріятелемъ надлежащей конвенціи, а потому со стороны противника сосредоточенія войскъ противъ меня и быть не могло. Если же такой конвенціи не имѣется и всѣ распоряженія сдѣланы вслѣдствіе изъявленнаго только непріятелемъ желанія прекратить войну, то генераль Кноррингъ поступилъ крайне необдуманно и подвергнулъ себя большой отвѣтственности». Но дѣло было сдѣлано и поправить его было невозможно, а потому Барклаю оставалось только выждать въ Вазѣ дальнѣйшаго разъясненія обстоятельствъ.

Всѣ означенныя противорѣчія показываютъ однакожь, до какой степени разногласіе существовало тогда въ высшихъ распоряженіяхъ. Но какое и могло быть въ нихъ единство, когда они одновременно исходили отъ двухъ лицъ, изъ которыхъ одно носило названіе главнокомандующаго и при этомъ несло всю отвѣтственность, а другое было облечено высшею властью. Къ тому же, Аракчеевъ далеко не обладалъ качествами посредника; онъ не только не старался согласоваться съ Кноррингомъ, но, напротивъ, обращался непосредственно къ частнымъ начальникамъ и перѣдко съ весьма щекотливыми требованіями; такъ пишетъ Барклай въ своемъ дневникѣ: «отъ военнаго министра, пріѣхавшаго въ Або, я получилъ

¹⁾ Письмо генерала Кнорринга отъ 17-го марта.

приказаніе доставлять копіи съ предписаній, получаемыхъ мною отъ главнокомандующаго относительно перехода черезъ Кваркенъ, а также съ моихъ донесеній по тому же предмету. Это ставитъ меня въ немалое затрудненіе, такъ какъ я не могу не видѣть здѣсь признакъ несогласія между главнокомандующимъ и министромъ; я было имѣлъ намѣреніе предупредить объ этомъ генерала Кнорринга, но боюсь влить еще болѣе масла въ огонь». Если бы Аракчеевъ, обнаружившій сначала такъ много самостоятельности въ своихъ распоряженіяхъ и предписаніяхъ, сохранилъ ее и въ рѣшительную минуту, то вмѣшательство его въ дѣла главнокомандующаго могло бы быть оправдано; но, какъ извѣстно, при первой complicacіи онъ предоставилъ дальнѣйшую часть начатаго имъ предпріятія генералу Кноррингу, считавшему безотлагательное прекращеніе предпринятыхъ дѣйствій самымъ счастливымъ для насъ исходомъ. Этотъ эпизодъ Финляндской кампаніи характеризуетъ всѣ вообще войны времянь Александра I; въ 1809 году повторилось только то, что уже было въ 1805, а отчасти и въ 1807 и 1808 годахъ, и что, до пѣкоторой степени, должно было еще повториться въ послѣдующихъ войнахъ, а именно: высшее вмѣшательство въ военныя дѣйствія съ оставленіемъ отвѣтственности на главнокомандующемъ. Подобное вмѣшательство было, конечно, вызываемо желаніемъ содѣйствовать успѣху и убѣжденіемъ въ совершенствѣ составленныхъ плановъ; тѣмъ не менѣе оно лишало главнокомандующаго самостоятельности и всегда вредило дѣлу. Понятно поэтому, что и Кноррингъ не избѣгнулъ судьбы, которой подверглись Кутузовъ, Беннигсенъ и Буксгевденъ. Подобно имъ онъ впалъ въ немилость и былъ вскорѣ удаленъ.

Въ половинѣ (концѣ) марта Императоръ Александръ пріѣхалъ въ Финляндію. Цѣль этого пріѣзда заключалась въ открытіи собраннаго тогда въ г. Борго сейма, на которомъ великодушный монархъ пожелалъ успокоить представителей народа, возвѣститъ имъ свои просвѣщенныя намѣренія и пріобрѣсть ихъ полное довѣріе. Торжественный въѣздъ въ Борго совершился 15-го (27-го) числа и въ тотъ же день былъ обнародованъ манифестъ, подтверждавшій всѣ права, которыми жители Финляндіи пользовались ранѣе. На другое утро послѣдовало открытіе сейма, а на слѣдующій затѣмъ день, по принятіи сословіями присяги, Императоръ уѣхалъ въ Гельсингфорсъ. Посѣтивъ Свеаборгъ, онъ отправился въ Або, гдѣ 19-го февр. (3-го марта) состоялся торжественный въѣздъ, при звонѣ колоколовъ и пушечной пальбѣ. Здѣсь встрѣчалъ его и главнокоман-

дующій; но насколько монархъ былъ милостивъ и внимателенъ ко всѣмъ прочимъ лицамъ, настолько онъ былъ холоденъ къ генералу Кноррингу: въ продолженіи почти 3-хъ-дневнаго пребыванія въ Або онъ не удостоилъ его ни однимъ словомъ и тотчасъ же отмѣнилъ всѣ сдѣланныя имъ распоряженія. Взамѣнъ ихъ было повелѣно: заключенное перемиріе объявить прекратившимся; отправить на островъ Аландъ, для сильнѣйшаго его занятія, особый корпусъ въ 4,000 человекъ, подъ начальствомъ генераль-маіора Демидова; Барклаю-де-Толли оставаться въ Умео, а если онъ уже возвратился въ Вазу, то усилить частью своихъ войскъ Улеаборгскій корпусъ; Шувалову продолжать наступленіе; наконецъ, поспѣшить постройкою гребныхъ судовъ въ Вазѣ и Улеаборгѣ. Послѣ этого Кноррингу оставалось только опять подать въ отставку; онъ это и сдѣлалъ, но получилъ приказаніе остаться въ должности до назначенія другого лица. Впрочемъ, ему не долго пришлось дожидаться: недѣли двѣ спустя Императоръ Александръ рѣшилъ назначить новаго главнокомандующаго и выборъ его палъ на Барклая ¹⁾.

Для человека скромнаго, каковъ былъ Барклай, подобное назначеніе не могло нѣ быть въ высшей степени неожиданнымъ. Уже производство въ генералы отъ инфантеріи показалось ему преждевременнымъ и незаслуженнымъ; по этому поводу графъ Шуваловъ писалъ ему: «не взирая на вашу скромность, могу васъ увѣрить, что вамъ воздано по заслугамъ, что переходъ вашъ вызываетъ удивленіе». Новое же назначеніе, сопряженное съ большою отвѣтственностью, даже испугало Барклая; онъ зналъ людей и понималъ, что успѣхъ возбуждаетъ зависть и вызываетъ вражду. Къ тому же примѣры прежнихъ главнокомандующихъ были на глазахъ, а стараніе Аракчеева возбуждать монарха противъ всякаго самостоятельнаго генерала не могло, послѣ случая съ Буксгевденомъ, оставаться тайною. Единственную, но за то и самую надежную опору Барклай надѣялся найти въ милостивомъ къ нему расположеніи Императора Александра, къ которому онъ и самъ имѣлъ безпредѣльную преданность. Онъ рѣшился поэтому высказаться предъ Государемъ и просить Его заступничества противъ возможной клеветы. Въ послѣднихъ числахъ апрѣля рескриптъ о назначеніи Барклая былъ привезенъ въ Вазу, а въ началѣ (половинѣ) мая онъ вступилъ въ должность; вслѣдъ затѣмъ онъ обра-

¹⁾ Указъ о назначеніи Барклая главнокомандующимъ состоялся 15-го апрѣля.

тился къ Императору съ слѣдующимъ письмомъ: «Вашему Величеству угодно было назначить меня главнокомандующимъ финляндскою арміею. Это драгоцѣнное для меня довѣріе вызываетъ, однако же, съ моей стороны опасеніе, что силы и способности мои не будутъ достаточны для выполненія этихъ новыхъ обязанностей... Вступая въ исправленіе важной должности, которою Вы, Государь, изволили меня почтить, я осмѣливаюсь просить Августѣйшаго Вашего покровительства; я прошу о немъ убѣдительно, ибо я долженъ опасаться, что новое званіе, въ которое Вашему Императорскому Величеству благоугодно было меня возвысить, можетъ возбудить зависть и вызвать недоброжелательное толкованіе всѣхъ моихъ дѣйствій» ¹⁾). На это письмо послѣдовалъ самый снисходительный отвѣтъ: «Призвавъ васъ къ командованію Финляндскою арміею, Я руководствовался лишь чувствомъ справедливости и уваженія къ вашимъ военнымъ дарованіямъ и личнымъ свойствамъ. Имѣя столь прочное основаніе, Мое мнѣніе о васъ не можетъ никогда измѣниться; оно одно достаточно, чтобы уничтожить зависть, если бы таковая когда-либо посмѣла подняться противъ васъ» ²⁾). Успокоенный ободрительными словами Монарха, Барклай весь предался своимъ новымъ занятіямъ; но не прошло и двухъ недѣль, какъ на него возложены были еще другія, весьма многосложныя обязанности. Уже выше было сказано, что съ самаго начала покоренія Финляндіи, гражданское управленіе вновь прибрѣтеннаго края было поручено генералу отъ инфантеріи барону Спренгтпортену, который, по своему политическому положенію и знанію края, вполне тому соотвѣтствовалъ. Между тѣмъ, война затянулась, а вмѣстѣ съ нею стала все болѣе выказываться необходимость сосредоточить военную и гражданскую власти въ однихъ рукахъ; эта необходимость сдѣлалась еще ощутительнѣе, когда между Кноррингомъ и Спренгтпортенемъ произошли несогласія. Означенныя обстоятельства, а можетъ быть и желаніе отстранить Спренгтпортена отъ дальнѣйшаго участія въ дѣлахъ Финляндіи, побудили Императора Александра соединить званія

¹⁾ Письмо отъ 12-го мая 1809 года.

²⁾ Высочайшій рескриптъ отъ 23-го мая 1809 года. «En vous appelant au commandement de mon armée en Finlande, je n'ai suivi que le mouvement de la justice et de l'estime que j'ai conçu pour vos talents militaires et votre caractère personnel. Fondée sur ces motifs, mon opinion sur votre compte ne saurait jamais varier; seule elle vous suffira pour repousser l'ennui si jamais elle osait s'élever contre vous.

главнокомандующаго и генераль-губернатора въ одномъ лицѣ и возложить на Барклая также и эту послѣднюю должность. Въ послѣдовавшемъ тогда на его имя рескриптѣ, было, между прочимъ, сказано: «зная усердіе ваше къ добру и ваши либеральныя правила, Я убѣжденъ, что это назначеніе будетъ имѣть самое благотворное вліяніе на общую пользу страны и преусиженіе ея жителей». Выраженіе «либеральныя правила» могло бы показаться не соотвѣтственнымъ стоическому характеру Барклая. Конечно, если подѣ либерализмомъ понимать разрушеніе существующихъ, вѣками выработанныхъ формъ жизни и замѣну ихъ произвольными, подѣ вліяніемъ страстей составленными порядками, то выраженіе это окажется неумѣстнымъ; но если видѣть въ немъ безразличное уваженіе человѣческаго достоинства и правъ каждаго, отвращеніе къ притѣсненію по праву сильнаго и, наконецъ, тотъ благотворный духъ реформъ, который, безъ потрясеній, стремится къ совершенству, то Барклай былъ дѣйствительно человѣкъ либеральный и доказалъ это не только въ своихъ личныхъ сношеніяхъ съ людьми, но и во всѣхъ дѣйствіяхъ своей обширной административной дѣятельности.

Ф. П. В—нъ.

